

УДК 821.161.1 Русская литература

Захарова Е. В.

Московский государственный областной университет

**ОБРАЗЫ ОГНЯ И СВЕТА В ПОЭТИЧЕСКОМ СБОРНИКЕ
С.А. ЕСЕНИНА «РАДУНИЦА»**

E. Zakharova

Moscow State Regional University

**IMAGES OF FIRE AND LIGHT IN POETRY COLLECTION
«RADUNITSA» BY S. YESENIN**

Аннотация. Автор статьи рассматривает образы огня и света в поэтическом сборнике «Радуница», первой опубликованной книге стихов С.А. Есенина. Образы огня и света (солнце, луна, заря, месяц, огонь, свеча) занимают важное место в лирике поэта и наполнены различной семантикой. В данной работе уделяется внимание истокам этих образов (их библейские, мифологические корни), символическим значениям, их взаимосвязи в контексте лирического произведения, что позволяет расширить и уточнить его восприятие. Подводя итоги, автор выявляет световые доминанты и ведущие мотивы сборника, связанные с рассматриваемыми образами.

Ключевые слова: Радуница, Есенин, лирический герой, мотив, художественный образ, художественная деталь, световая доминанта.

Abstract. The author of the article analyzed the images of fire and light in the poetry collection “Radunitsa”, the first S.Yesenin’s collection publication. The images of fire and light (such as sun, moon, dawn, crescent, fire, candlelight) play an important role in poet’s poems and can be reviewed from different aspects. In this work the attention is paid to origins of these images (their biblical, mythological roots), symbolism, their relationship in terms of lyric composition. This helps to extend the perception of composition contents. In summary, the author reveals light dominants and key motives of the collection, associated with reviewing images.

Keywords: Radunitsa, Yesenin, lyrical character, motive, artistic image, artistic detail, light dominant.

Раскрыть красоту и значительность творческих свершений С.А. Есенина позволяет обращение к ключевым мотивам и образам его лирики. С нашей точки зрения, образы огня и света занимают особое место в есенинской художественной системе. Рассмотрим подробнее, как они представлены в первом поэтическом сборнике «Радуница», изданном в 1916 году.

Сборник состоит из двух частей: «Русь» и «Маковые побаски». Концептуальное значение в нём имеют образы огня и света. Если приводить статистические данные, можно отметить, что из тридцати трех стихотворений этого сборника в семнадцати имеются вариации данных образов.

В небольшой поэме «Микола» (1915 года), открывающей сборник, находим интересное обращение к образам небесного света. Дважды в произведении упоминаются зори. Вначале с ними сравниваются купола: они «загораются», воспламеняя своим светом всё пространство вокруг. Причём стоит обратить внимание и на предшествующие картины и образы:

*Злые скорби, злое горе
Даль холодная впила;
Загораются, как зори,
В синем небе купола [5, с. 25].*

© Захарова Е.В., 2011.

Мрачная картина открывает эту строфу. Важно подчеркнуть, что не случайно поэтом дважды употребляется эпитет «злой», усиливающий тревожное, трагическое ощущение. Создается впечатление, что «даль» как будто поглощает пространство, она всё «впила», то есть впитала. Есенин употребляет эпитет «холодная», который создаёт контраст с ярким, горящим, излучающим свет и тепло блеском колоколов. И прежнее трагическое ощущение утрачивается с появлением очищающего сияния куполов, которые пылают, как заря.

В четвертой части поэмы образ света приобретает религиозное звучание. Стоит заметить, что такое сочетание и переплетение небесного природного света (заря, солнце, луна, месяц) и религиозных образов встречается достаточно часто в ранней лирике С.А. Есенина. Свет нередко исходит от икон. Так и здесь:

*На престоле светит зорче
В алых ризах кроткий Спас...* [5, с. 27]

Стоит обратить внимание и на характеристику света, исходящего от Спаса: он «светит зорче». С одной стороны это наречие может означать «пристально», «проницательно», Он – «всевидящее око». С другой стороны, возможно толкование слова «зорче» как «яснее», «ярче». То есть использование этого эпитета придаёт образу света ещё большее сияние.

В пятой части поэмы соединяются первоначальные значения зари и света от «кроцкого Спаса». Это выливается в следующее: приятный сердцу лирического героя небесный свет зари делает возможным его пребывание в состоянии умиротворения, так как «кроют зори райский терем».

В первой части сборника «Русь» встречаются такие образы света, как *заря, солнце, звёзды*. Все эти природные явления символизируют яркий, радостный свет. Нет лунного тревожного света, который появится в стихотворениях более позднего периода. Образов огня как таковых здесь мы не найдем, но их свойства часто придаются природным

явлениям. Например, в стихотворении «Задымился вечер, дремлет кот на бруссе...» уже с первых строк появляется метафора «задымился вечер», которая предшествует остальным образам и предопределяет их. Глагол «задымился» неожиданно придает «разгоранию» вечерней зари тревожную окраску. Во второй строфе действие показано во всей интенсивности:

*Полыхают зори, курятся туманы,
Над резным окошком занавес багряный* [5, с. 32].

Метафора «полыхают зори» рисует очень красивую картину вечера, так как глагол «полыхать» обозначает не простое равномерное горение, но яркие вспышки пламени. Здесь важное для Есенина уточнение: нарисованная картина передаёт необычную прелесть природного вечернего явления. Метафора «занавес багряный» напоминает читателю о родственных тревожных образах у А. Белого и А. Блока.

В стихотворении «Пойду в скуфье смиренным иноком...» (первичное название «Инок», датировано 1914-1922 годами) представлен иной образ зари. Это уже не вечерняя, а утренняя заря, так как С.А. Есенин изображает рассвет – время перед восходом солнца, начало утра. Здесь, рисуя раннее утро, поэт прибегает к необычному сравнению:

*Рассвет рукой прохлады росной
Сшибает яблоки зари* [5, с. 29].

Слово «рассвет» вместе с другими словами из первого стиха третьей строфы создаёт аллитерацию, так как в каждом слове повторяется сонорный звук «р», а в слове «рассвет» – первый, он задаёт некую доминанту в звучании данного стиха. Глагол «сшибает» показывает интенсивность действия. Вероятно, оно происходит очень быстро. Метафорический образ «яблоки зари» создает определённый колорит, так как яблоко может быть и красным, и зелёным, и жёлтым, одним словом, заключать в себе различные цветовые оттенки.

Стихотворение неоднократно перерабатывалось поэтом. Первоначально оно не было разбито на строфы, и многие стихи полностью разнятся с окончательным вариантом. В первой редакции третья строфа выглядела иначе. Важно обратить внимание на то, что в ней, как и в последней редакции, присутствует образ света в метафоре «шаль зари»:

*Иду. В траве звенит мой посох,
В лицо махает шаль зари [5, с. 437].*

Неоднократно небесный свет в раннем сборнике Есенина представлен в качестве предмета одежды: *шаль, рубаха*. Поэтому его можно рассмотреть как нечто прикрывающее, защищающее лирического героя от внешнего холода, посторонних сил.

В этом же стихотворении встречается и другой образ света. Это *звезда*. «Доверяясь» ей, лирический герой хочет отправиться в своё путешествие по земным просторам, чтобы все «концы земли измерить». Его доверительное отношение к небесным светилам показывает тесную, может быть, даже кровную природную связь лирического героя с космическим миром. Это характерная черта есенинской лирики. Но необходимо обратить внимание на эпитет «призрачная», относящийся к звезде. Это может обозначать «воображаемая, мнимая». Значит, эта путеводная звезда лишь порождение его воображения, мечта, нечто существующее в его фантазии, а не в реальности.

В стихотворении «Не ветры осыпают пуши...» тоже появляется образ звёзд, здесь он приобретает религиозный смысл:

*Не ветры осыпают пуши,
Не листопад златит холмы,
С голубизны небесной кущи
Струятся звёздные псалмы [5, с. 31].*

В первой строфе рисуется образ глубокого бездонного неба, символизирующего собой иной, горный мир. К нему стремится лирический герой. Слово «голубизна» вроде

бы должно указывать на насыщенный цвет, но здесь угадывается и другая его семантика, которая подчёркивает глубину неба, недаром слова «голубизна» и глубина созвучны.

Небесное пространство названо поэтом «небесной кущей», а куща, как известно, – тенистая роща, лесная заросль, верующим часто напоминающая о рае («райских кущах»). С этого «тенистого» пространства «струятся», освещая тонкими лучами грешную землю, «звёздные псалмы», которые являют лирическому герою «возлюбленную Мати // С Пречистым Сыном на руках». Таким образом, эпитет «звёздный» здесь своеобразная дорога из мира небесного к миру земному.

Образ света, представленный *солнцем*, встречается в трёх стихотворениях части «Русь». Изменения в природе от яркого дня до спокойного вечера передаются в стихотворении «По дороге идут богомолки...» неожиданной метафорой:

*Лижут сумерки золото солнца,
В дальних рощах аукает звон... [5, с. 34]*

«Светоносное» сочетание «золото солнца» занимает выигрышную позицию в конце первого стиха пятой, последней строфы стихотворения. Суммируются два очень ярких по семантике световых образа: «золото» и «солнце». Создаётся впечатление, что сумеркам очень сложно побороть такое сияние, и поэтому они постепенно снимают позолоту дня, плотоядно слизывая по частичкам солнечный свет.

Во второй части сборника «Радуница» «Маковые побаски» встречаются такие образы огня и света, как *заря, радуга, солнце, месья и пламя*. Наиболее часто описываемым здесь природным явлением становятся *зори*. Дважды повторяется сравнение зорь с ткачами, которые ткут различные узоры: «выткался на озере алый свет зари», «то не зори в струях озера свой выткали узор». Обращает на себя внимание и то, что в ранней лирике Есенина свет неба часто отражается в водной поверхности. Позже произойдёт полное их воссоединение, и небесное пространство

станет водным, а светила превратятся в суда водного транспорта.

Необычную функцию выполняют зори в стихотворении «Матушка в Купальницу по лесу ходила...». В стихотворении рассказывается о рождении поэта в ночь на Ивана Купалу, и оно представляет собой пример конструирования автобиографического мифа в поэтическом творчестве (реальная дата рождения Есенина – 3 октября (21 сентября по старому стилю) – не имеет отношения к славянскому празднику в ночь с Аграфены Купальницы на Ивана Купалу с 6 на 7 июля (с 23 по 24 июня по старому стилю), связанному с многочисленными магическими обрядами, приметами, поверьями). Момент рождения описывается радостно и в светлых тонах:

*Родился я с песнями в травном одеяле.
Зори меня вешние в радугу свивали* [5, с. 44].

Данные строки говорят об изначальной близости человека к природе. Ребенок закутан в «травное одеяло», его «свивают» в радугу «зори вешние», то есть обворачивают свивальником (так называлась «длинная узкая полоска ткани для обвивания младенца поверх пеленок»). Это не кто иной, как настоящее дитя природы. В данном стихотворении только на первый взгляд может показаться, что поэт говорит о мифической радуге, о которой когда-то писал А.Н. Афанасьев: «Полукруглая форма радуги заставляла видеть в ней кольцо, обнимающее землю... Роскошные, блестящие краски, которыми сияет радуга, заставляют уподобить её драгоценному убору, в который наряжается божество неба» [4, с. 358]. В философской статье Есенина «Ключи Марии», написанной в 1918 году, а изданной в 1920, сказано именно о такой радуге: «Радуга – стрелы, посев, бисер, нитки» [4, с. 596]. Но в стихотворении речь идет о радуге, как о свивальнике для ребёнка: зори были повитухой.

В стихотворении «На лазоревые ткани...» (первоначальное название «Вечер») соединяются символы огня и света в такой метафоре: «зори вешние горят». Они излучают свет,

сверкают, блестят. Поэт соединяет световые и цветовые характеристики, указывая, как именно они горят: «ярче розовой рубахи».

Новая интерпретация образа зари возникает в стихотворении «Я – пастух; мои палаты...» (первоначальное название «Пастух»). Она связана с религиозной символикой. Для С.А. Есенина понятие «пастух» было чрезвычайно важно. Об этом сказано в статье «Ключи Марии»: «В древности никто не располагал временем так свободно, как пастухи. Они были первые мыслители и поэты, о чём свидетельствуют показания Библии и апокрифы других направлений... Само слово *пастух* (*пастух*, ибо в русском языке часто *д* переходит в *т*, так же как *ев* в *о*) говорит о каком-то мистическом помазанном значении над ним» [4, с. 597]. В стихотворении лирический герой предстает перед нами пастухом – по Есенину, человеком, образ которого имеет определенное «мистическое значение». Это личность высокой духовной организации, поэтому все окружающее его пространство воспринимается героем как свои «палаты», некий храм. В таком контексте становится неудивительно, что он, находясь в мире природы, способен на те действия, которые принято совершать в церкви:

*Я молюсь на алы зори,
Причащаюсь у ручья* [5, с. 57].

Глагол «молиться» универсально выражает целую гамму чувств лирического героя. Первое значение – «произносить молитву, обращаться с молитвой» – наиболее точное и верное для данного стихотворения, так как далее упоминается такое таинство, как причащение. Второе значение – «беспредельно любить, боготворить» – тоже можно соотнести с чувствами лирического героя. Есенинская лирика пронизана любовью и восхищением, благоговением и трепетом перед природным миром. Профессор Сегедского университета Валерий Липахин говорит о том, что «природа у Есенина настолько воцерковлена, настолько пронизана богослужением, настроена на литургию, что в ней можно и, может

быть, должно молиться, как в храме» [6, с. 20]. Это стихотворение наполнено и другими световыми образами. При описании неба говорится о белых облаках, занятых сложным делом: они «вяжут кружево» в «жёлтой пене», которую образует солнечный свет. Образ запоминается своей оригинальностью и красотой. А ещё один источник света здесь необычен:

*Светят зелено в сутемы
Под росой тополя* [5, с. 57].

Цвет этот находится в контрасте с тёмными оттенками, близкими к чёрному, так как поэт уточняет, что «светят» они «в сутемы», что значит – в сумерки.

В стихотворении «Выткался на озере алый свет зари...» эмоциональное состояние лирического героя соотносится с пейзажем, причем они рассматриваются не параллельно, а в противопоставлении:

*Плачет где-то иволга, схоронясь в дупло.
Только мне не плачется – на душе светло* [5, 49].

Радость лирического героя связана с тем, что он ждёт свою любимую и представляет их будущую встречу. Эти переживания для него настолько чудесны, что он ощущает себя «хмельным от радости». Свет, царящий в душе, озаряет для героя весь окружающий мир. В первом стихе даётся вполне традиционное цветовое определение зари («алый цвет зари»), но здесь же найдено поэтом слово, все преображающее: «выткался». Такая метафора создаёт ощущение пространственной перспективы и подчёркивает некую «фактурность» светового образа. В последней строфе этого стихотворения появляется окказионализм «алость», который передаёт особую интенсивность цвета:

*И пускай со звонами плачут глухари,
Есть тоска весёлая в алостях зари* [5, с. 49].

Оксюморон «тоска весёлая» ясно выражает противоречивость и остроту чувств лирического героя.

В стихотворении «Сыплет черёмуха снегом...» читаем:

*Радугой тайные весты
Светятся в душу мою...* [5, с. 53]

В первоначальном варианте в журнальной публикации вместо слова «радуга» было «радуют». Выбранный поэтом вариант позволяет передать целую гамму чувств, которые способен испытывать молодой влюбленный человек. Объединяет эти два «света» в душе и сердце их источник. Причина, которая их вызвала, – радостные думы о милой невесте, «чудесной гостье», как её называет лирический герой.

Завершает вторую часть сборника стихотворение «Чую Радунуцу Божью...». Оно исполнено восторга перед одухотворённым миром. Предельно важна здесь христианская символика. Образы огня и света выявляют значимость миссии поэта в мире:

*Голубиный дух от Бога,
Словно огненный язык,
Завладел моей дорогой,
Заглушил мой слабый крик* [5, с. 61].

Это стихотворение во многом созвучно с «Пророком» А.С. Пушкина (1826 г.). Особое предназначение суждено было Пророку. Ему является Серафим. Мы видим, как преобразуется весь внутренний и внешний облик героя: глаза становятся «вещими зеницами», «грешный язык» – «жалом мудрых змеи», «трепетное сердце» заменяет «угль, пылающий огнём».

Есенинскому же герою «мерещится» Сам Иисус. Его герой осознаёт свою избранность. Он тоже становится обладателем высшего дара: «голубинового духа от Бога», который соотносится с «огненным языком». От Духа Божия воспламеняется человеческий дух. Меняется и зрение, так как «зеницы» должны быть непременно вещими: «лётся пламя в бездну зренья». Иисус определяет путь этого человека, делает его Божьим избранником и превращает его в некоего Мессию, в ис-

тинного художника. Подобно изъятию «трепетного сердца» у героя «Пророка», «слабый крик» героя Есенина отныне заглушён. Можно заключить, что в этом стихотворении Есенин вступает в диалог с А.С. Пушкиным, но создаёт свой образ Пророка.

Рассмотрев первый сборник стихотворений поэта, можно сделать вывод, что в ранней лирике Есенина концептуальное значение имеют образы огня и света. Поэт часто обращается к ним, используя их в разных интерпретациях. Световой доминантой в книге можно считать солнечный свет, который дарит веру в лучшее, надежду, любовь. Кроме того, он несёт герою тепло, душевный покой, внутреннюю гармонию.

Особым, чудесным источником света становятся православные иконы, свет исходит и от посланников Бога – святых праведников, таких, например, как Николай Угодник (поэма «Микола»). Светоносными в восприятии лирического героя являются деревья: берёзы, тополя. Это связано с тем, что «природа у Есенина, как пишет Валерий Липахин, не отделена и не может быть отделена от Бога. Деизм провозглашает Бога Творца, но, отрицая Божий промысел, действующий в мире, разверзает пропасть между Творцом и творением» [6, с. 16]. Для Есенина природа – храм, в своей лирике он воспеваает святую Русь.

Анализируя образы Востока в поэзии Есенина, Л.Ф. Алексеева приходит к выводу, что

тяготение человека ко всему вечному является национальной чертой, наследием святой Руси: «Соединение всего тварного, земного, разнонационального поэт ощущал как носитель братских чувств ко всему живому, как единение в храме земной жизни перед лицом Вселенского Божественного света» [1, с. 70]. Источниками именно этого «Божественного света» и являются часто «несветовые» природные объекты.

Образы света и огня, использованные Есениным, позволяют поэту создать разнообразную картину настроений и чувств лирического героя, выявить особенности его мировосприятия.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Алексеева Л.Ф. Образы Востока в творчестве С.А. Есенина // Современное есениноведение. – 2006. – № 5. – С. 61 – 70.
2. Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу. В 3-х томах. – М.: Современный писатель, 1995. – Т. 1. – С. 416.
3. Воронова О.Е. Сергей Есенин и русская духовная культура. – Рязань: Узорочье, 2002.
4. Есенин С.А. Сочинения / Сост., вступ. статья и коммент. А. Козловского. – М: Худож. лит., 1988. – 703 с.
5. Есенин С. Стихотворения. Поэмы. – М.: ООО «Издательство АСТ»; Харьков: «Фолио», 2005. – 572 с.
6. Липахин В.В. Иконичность двуединого мира в лирике Сергея Есенина // Современное есениноведение. – 2006. – № 5. – С. 14 – 33.